

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Д.С. Егоров

Аннотация

В статье рассматривается явление, традиционно именуемое транспозицией грамматической формы. На материале анкетирования учащихся средней школы рассматриваются параметры взаимодействия формы глагола и контекста. Сделана попытка функционального исследования данного явления с привлечением доступных в настоящее время методов объективации данных. Полученные результаты дают повод оспорить традиционные суждения, основанные во многом только на интроспекции исследователя.

Ключевые слова: временная форма глагола, контекст, омонимия.

Проблема так называемой транспозиции, то есть функционирования временных форм глагола в противоречащем контексте, еще далека от решения. В целом, характеризуя ситуацию, можно сказать, что в этом направлении исследователи ограничиваются констатацией фактов «аномального» употребления временных форм. В качестве неизменного свойства, согласно существующим мнениям, данные контексты демонстрируют экспрессивность и именуются образными, переносными. Это свойство кажется вполне достаточным для объяснения рассматриваемого явления: говорящий использует контраст двух временных планов для создания большей экспрессивности и выразительности своей речи. Ранее мы пытались доказать, что наиболее подходящей дефиницией для данного явления, исходя из свойств последнего, является омонимия [1]. Несомненно, помимо теоретического базиса проблемы интерес представляют также функциональные аспекты изучаемого феномена.

При рассмотрении особенностей функционирования омонимичных форм времени было решено использовать такой метод извлечения информации, как опрос респондентов. Мотивы, побудившие обратиться к статистическим методам (даже в самой примитивной их форме), были продиктованы спецификой рассматриваемой проблемы. Камнем преткновения при трактовке случаев омонимичного употребления форм глагола (или случаев транспозиции в традиционном понимании) является степень ассимиляции временного признака, привносимого формой, с семантикой времени, выражаемой контекстом. Единственным средством извлечения данных здесь является интроспекция исследователя – носителя языка. Например, классическим считается мнение А.М. Пешковского о значении форм настоящего времени несовершенного вида в контексте будущего [2, с. 208–209]. А.В. Бондарко, говоря об эффекте соположения двух вре-

менных пластов, пишет: «Важным результатом столкновения временного значения грамматической формы и значения контекста является ослабление значения отнесенности действия к прошлому, превращения этого значения в слабый, иногда едва заметный оттенок» [3, с. 135]. Если подобные заявления делаются исключительно с опорой на интуицию носителя языка, то существует возможность верифицировать эти заявления, привлекая интуицию большого количества носителей, но не являющихся при этом компетентными в вопросах языкознания, и в частности в проблеме омонимии, за счет чего исключается фактор пристрастности и предубежденности при вынесении суждений. Большое значение имеет также установка на исследование явления омонимии временных форм в аспекте коммуникации. В этом смысле проведение опроса респондентов может быть поставлено в один ряд с использованием большого количества контекстов из Национального корпуса русского языка и может послужить очень существенным дополнением к характеристике омонимии временных форм в аспекте коммуникативных факторов.

Омонимия временных форм. Как известно, форма, попав в противоречащий ей в аспекте временной семантики контекст, не теряет своего грамматического значения времени [3]. Но логично предположить, что форма не может быть носителем двух взаимоисключающих семантических признаков. Ввиду этого и на основе традиционной дефиниции омонимии знака предлагается определять все явления подобного типа как омонимию. Формы глагола, в которых значения времени не совпадают со значением аффикса в парадигме, в этом случае будут определяться как временные омонимы.

Важно отметить, что данное определение имеет силу в аспекте речемыслительной деятельности. Знак выражает одно значение, то есть несет в себе комплекс непротиворечивых, прежде всего контекстуально и ситуативно обусловленных, сем. Значение формы адсорбирует в себе наиболее регулярные контекстуальные смыслы, может варьироваться в зависимости от актуальных задач анализа.

Если признать факт, что «прямое» значение формы – это значение грамматической единицы, то есть лишь наиболее частотный смысл, в то время как в каждом отдельном контексте она может обозначать любой временной пласт, то вышеописанное противоречие снимается. Таким образом, статус рассматриваемого явления определяется в аспекте речемыслительной деятельности не как транспозиция, а как омонимия. Следует отметить, что такая трактовка значения грамматической формы в контексте находит свою опору в концепции знака А.А. Потебни: «Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями» [4, с. 115]. «Форма настоящего времени не может иметь никакого значения, кроме настоящего; получая значение будущего времени, она становится формой будущего» [4, с. 117].

Представленные в настоящей работе данные способны стать своего рода эмпирическим аргументом в пользу одной из точек зрения (транспозиции или омонимии). Если окажется, что носитель языка определяет значение формы как совпадающее со значением граммемы, то можно говорить, что основная функ-

ция подобных употреблений – это создание экспрессивных контекстов, как и утверждает традиционная точка зрения. Если же выяснится, что форма перенимает значение контекста, то мы получим дополнительный (но не основной) аргумент в пользу концепции омонимии.

Описание процедуры. Анкетирование проводилось среди учащихся одиннадцатых классов средней школы. Всего в анкетировании приняло участие 34 человека. Суть заданий заключалась в следующем: информантам были предъявлены одиннадцать контекстов, содержащих омонимичные временные формы:

- 1) Вчера *иду* по лесу и *нахожу* много грибов.
- 2) Весной 1812 г. Евгения *отправляют* в Петербург.
- 3) Завтра я *сдаю* очень важный экзамен.
- 4) Через неделю он *улетает* в Париж.
- 5) Грязь не сало: *потер*, оно и *отстало*.
- 6) Талант и бездарность не уживаются. Там, где *восторжествовал* талант, бездарности делать нечего.
- 7) Так суровый октябрьский день открывается, и точно так открывается сердце охотничье: *хлебнул* мороза и солнца, *чхнул* себе на здоровье, и каждый встречный человек *стал* тебе другом.
- 8) Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью *плеснет* рыба и прибрежный тростник слабо *за шумит*, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.
- 9) Вот всегда так было: *встанет* у меня на дороге, когда я *начну* дрова носить.
- 10) Его вечера в то время проходили однообразно: *придет* с работы, *выпьет* чаю, *посмотрит* телевизор и – спать.
- 11) Все было тихо, волна *не подымет*ся, листок *не шелохнет*.

Рядом с предложениями в скобках указывалось два времени, одно из которых соответствовало парадигматическому значению формы, другое – контексту, или временному омониму в нашем понимании. Требовалось выделить тот вариант, который, по мнению информанта, характеризовал подчеркнутые глаголы. Задание было сформулировано таким образом: *определите время, к которому относятся выделенные глаголы в предложении*. При этом в задании намеренно была допущена двусмысленность: не разъяснялось, на что следует ориентироваться, чтобы определить время в контекстах: на форму (и тогда однозначно выделялось бы значение формы, принятое в парадигме) или на ситуацию (тогда, естественно, выбор должен был бы осуществляться согласно контекстуальным показателям времени, которые и определяют в таких случаях истинный временной план описываемого). Очевидно, что суждение будет выноситься либо относительно формы, либо относительно контекста с опорой на интуицию носителя языка. По количеству ответов, выделяющих либо контекст, либо форму, можно сделать вывод о доминирующем факторе и о том, который в наибольшей степени подвержен влиянию (иными словами, о том, что, ориентируясь на компетенцию носителя языка, мы можем считать в большей степени уподобляемым в подобных контекстах: форму или контекстные показатели). При этом результаты эксперимента не могут служить доказательством или опровержением

логического вывода о том, что форма в подобных контекстах содержит только одно временное значение (так как просто не может содержать в себе два противоречащих друг другу значения в одном контексте или акте коммуникации).

Контексты содержат предложения с разными типами омонимичного употребления форм: омонимичное употребление имперфективов (так называемое *praesens historicum*, а также настоящее в будущем) – контексты с 1 по 4, омонимичное употребление перфективов в контексте абстрактного настоящего (контексты 5–7), в контексте прошедшего (контексты с 8 по 11).

Результаты. Итак, при ответе на вопрос, какое время выражается глаголом, большинство опрошенных вынесли суждения, опираясь на значение контекста в следующих примерах из одиннадцати вышеприведенных: 1 (27 из 34 опрошенных), 3 (27 опрошенных), 4 (27 опрошенных), 5 (26 опрошенных), 10 (26 опрошенных), 11 (24 опрошенных). Во всех остальных контекстах (2, 6-9) суждение выносилось согласно значению формы (с разной степенью преобладания).

Какие выводы могут быть сделаны исходя из представленных данных? Во-первых, полученные результаты однозначны относительно омонимичного употребления форм настоящего несовершенного (контексты 1, 3, 4) и противоречат утверждению о том, что при таком употреблении «контекст не подавляет и не приглушает значения формы, а, наоборот, способствует его яркому полному и подчеркнутому выражению» [5, с. 354]. Это мнение, разделяемое как А.М. Пешковским, так и А.В. Бондарко, предполагает, что форма привлекает к себе больше внимания и что время глагола определяется именно по ней, поскольку «контекст не подавляет и не приглушает ее значения». Однако в данных случаях, по всей видимости, временные коннотации, которые несет в себе омонимичная форма, принимаются во внимание в гораздо меньшей степени, чем это предполагается учеными. Контекст 2 стоит особняком, поскольку здесь временное значение глагола определялось с опорой на собственное значение его формы, хотя стоит заметить, что ответы в пользу значения формы преобладают с незначительным перевесом: относительно велико количество тех, кто посчитал значение глагольной формы идентичным значению контекста в целом (15 опрошенных). По всей вероятности, на ответы респондентов в данном случае влияли контекстные показатели времени: указание на год в качестве маркера прошедшего временного плана описываемых событий (контекст 2) не столь однозначно и ярко выражает семантику прошедшего времени, как обстоятельство времени *завтра, вчера, через неделю*.

С другой стороны, ответы применительно к контекстам 6 и 7, представляющим собой в традиционной терминологии употребление прошедшего совершенного в контексте абстрактного настоящего, распределились следующим образом. Согласно мнению большинства, в 6 глагол выражает семантику прошедшего времени, в то время как в 7 глаголы *хлебнул, чхнул* и *стал* выражают настоящее время. При этом опрошенные были весьма единодушны и в том, и в другом случае. Мы также не можем указать на маркеры времени, присутствующие в одном случае и отсутствующие в другом. Единственное объяснение, отражающее истинное положение вещей, нам видится в том, что в контексте 6 не столь сильна отнесенность действия, выраженного омонимом (*восторже-*

ствовал), к опорному процессу-маркеру времени (*не уживаются*), который, являясь фоновым, включает в себя действия омонима. К тому же пропозиции разделены точкой. В это же время в 7 отношения «фигура – фон» или отношение включенности действий, представленных омонимами, в процесс, выраженный глаголом настоящего времени, передаются более четко и недвусмысленно, чем в предыдущем контексте. Во всяком случае семантика обозначенных процессов в предложении 7 более прозрачна, чем в 6, и поэтому с большей легкостью поддается адекватной интерпретации (сфера конкретных действий, доступных непосредственному наблюдению). Думается, что именно поэтому коннотации прошедшего времени, связанные с наиболее частотным значением формы, в меньшей степени будут «отвлекать» внимание респондентов в контекстах типа 7. Это подтверждает контекст 5, где форма перфектива прошедшего времени выражает, по мнению респондентов, настоящее время (согласно значению контекста). В пословице *грязь не сало: потер, оно и отстало*, как предположительно и во всех прочих идиоматических выражениях подобного рода, действия, выраженные перфективами как прошедшего, так и будущего времен, совершенно однозначно включены в фоновое состояние, которое лишено какой-либо временной локализации и мыслится некой вневременной константой. Кроме того, как в 7, так и в 5 употреблено двоеточие, которое, как известно, передает семантику включения.

Те же тенденции можно обнаружить и в блоке контекстов, в которых употребляются формы совершенного вида с парадигматическим значением будущего времени в значении прошедшего (контексты 8, 9, 10, 11). Два контекста (8, 9) демонстрируют доминирующее положение формы, в то время как в оставшихся двух (10, 11) предпочтение отдается значению контекста. В предложениях, где временное значение глагола устанавливается по контексту, мы видим показатели времени, которые однозначно указывают на прошедший план события: *в то время, было*. В этих же контекстах отношения между двумя пропозициями однозначно выражаются как включенность за счет семантики обозначенных состояний (*было*), процессов (*вечера проходили*) и осуществляемых на их фоне действий (*придет, выьет чаю, не шелохнет*), что обозначается двоеточием в контексте 10 и эквивалентной ему запятой (но важно, что не точкой). В контекстах 8 и 9 можно констатировать лишь частичное соблюдение вышеназванных условий. В контексте 8 семантика двух пропозиций выражает более «глобальное», фоновое состояние (*было тихо*), которое обозначает время всей ситуации и действия, которые могут разворачиваться на фоне этого состояния естественно, благодаря чему создаются условия для нивелировки временных коннотаций омонимичных форм (данный эффект проявляется в контекстах 10 и 11). Однако пропозиции здесь достаточно самостоятельны (большая распространенность второй пропозиции) и отграничены друг от друга точкой (как в контексте 6, где, вопреки ожиданиям, значение формы доминирует), что мешает восприятию ситуации как целостной (коннотации формы при этом обретают большую яркость). В контексте 9, несмотря на наличие двоеточия и довольно прозрачных отношений включенности между пропозициями, время ситуации выражено не столь четко, как в 10 и 11 (а также в 1, 3 и 4): с одной стороны, глагол *было* четко указывает на прошедшее время состояния, в которое включаются действия

омонимов. С другой стороны, присутствуют обстоятельства *всегда* и *вечно*, которые размывают семантику прошедшего времени и отсылают скорее ко времени неактуального настоящего. Не выражая однозначно пласт настоящего, они являются своего рода «помехой» при восприятии и понимании контекста.

Выводы. Таким образом, в качестве факторов, влияющих на принятие решения, можно назвать четкость в выражении показателей времени в контексте, с одной стороны (и в таких контекстах суждение выносится в пользу контекста), и недвусмысленность (в частности, проявляемую на уровне пунктуации и синтаксической распространенности отдельных пропозиций) в выражении включенности процессов и действий друг в друга – с другой (процесс или действие, выраженные омонимом, включены как часть в действие, процесс или состояние, выраженные не омонимом, или относятся к нему как к фоновому). Последний фактор предполагает, что ситуация во всех своих процессуальных проявлениях воспринимается как целостная, что неизменно способствует «выравниванию» (или унификации) форм по одному значению, даже форм, которые в парадигмах являются носителями разных временных признаков.

Можно констатировать, что при интерпретации результатов анкетирования удалось выявить ряд зависимостей и соответствий между свойствами контекста и степенью проявленности временных коннотаций форм, употребляемых в противоречащих их парадигматическому временному значению условиях (то есть в контекстах, в которых создается ситуация омонимии временных форм глагола).

Можно предположить, что степень проявления и «яркости собственного значения формы» зависит не от типов омонимичных употреблений (*praesens historicum*, настоящее в будущем, прошедшее совершенное в настоящем и т. д.), как это предполагает А.В. Бондарко [5, с. 354], а от свойств контекста (показатели времени и выражение отношений между пропозициями).

Кроме того, можно сказать, что временное значение контекста является доминирующим и форма имеет одностороннюю тенденцию к тому, чтобы принять это значение, поскольку удалось выявить ряд факторов, устранение которых ведет к большему влиянию контекстуальных показателей времени. Последнее является еще одним (уже непосредственно эмпирическим) аргументом в пользу того, что рассматриваемое явление можно обозначить как омонимию временных форм глагола.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944) и при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00221-а).

Summary

D.S. Egorov. Functional Specifics of Temporal Verb Forms in Contemporary Russian Language.

The article considers the phenomenon traditionally known as transposition of grammatical form. Having carried out a poll among the secondary school pupils we looked at the parameters of interaction between verb form and context. An attempt has been made to use

available methods of data verification for functional research of the given phenomenon. The results allow us to contest the traditional opinions on the problem considered, as those are generally based on introspection of a researcher.

Key words: verb tense form, context, homonymy.

Литература

1. *Егоров Д.С.* Концептуализация событий как причина возникновения омонимии временных форм // Языковая семантика и образ мира: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, 20–22 мая 2008 г.): в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – Ч. 2. – С. 69–73.
2. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во РСФСР, 1956. – 511 с.
3. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
4. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. – М.: Просвещение, 1977. – Т. 4, Вып. 2: Глагол. – 406 с.
5. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 624 с.

Поступила в редакцию
05.03.09

Егоров Дмитрий Сергеевич – ассистент кафедры современного русского языка, аспирант кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.

E-mail: dmitr-aux-ego@yandex.ru